

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 9
volume 9**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1997**

Языковые взаимоотношения между древнеармянским и хуррито-урартским

И. М. Дьяконов
Институт востоковедения РАН
(Санкт-Петербург)

Настоящий доклад не посвящен этногенезу армянского народа, а только некоторым вопросам языка. Известно, что в древности и раннем средневековье языку не придавали такого социального значения, как сейчас, когда язык представляется едва ли не единственным и уж во всяком случае главным диагностическим признаком национальности. Правда, и в наше время не всегда именно язык является решающим для национального самосознания: например, ирландцы, последовательно, я бы даже сказал, ожесточенно отстаивая свою национальную самобытность, более чем в 95% случаев говорят по-английски и в большинстве даже не понимают по-ирландски; этот язык сохранился в нескольких деревнях на берегу Атлантического океана, а помимо этого искусственно культивируется через радио и печать. По большей части именно так относились к языку в древности и раннем средневековье: например, египтяне, сознавая себя египтянами, наследниками всей великой египетской культуры, тем не менее говорят исключительно по-арабски и сознают себя и как арабов. Между тем число этнических арабов, проникших в Египет в эпоху раннего Халифата, в VIII в. н. э., не превышало численности одной дивизии. Ассирийский диалект аккадского языка вымер, видимо, в VI в. до н. э., и с тех пор все бывшие жители Ассирии в течение тысячелетий говорили, а отчасти и сейчас говорят по-арамейски, но по национальному самосознанию считают себя ассирийцами.

Так и с русским языком. Вряд ли может быть сомнение в том, что антропологический состав Северной Руси мало изменился со времен неолита, однако финно-угорские языки европейской таежной зоны всюду с тех пор сменились на русский. Если первые носители древнерусского языка были антропологически похожи на современных белорусов и поляков, что весьма вероятно, то надо признать, что при распространении на таежный Север в течение I тыс. н. э. они должны были быть в меньшинстве, а местное население, принявшее русский язык, — в большинстве. Это подтверждается языковыми субстратными явлениями в севернорусских диалектах — сдвигом ударения на первый слог, особенно в топонимах и собственных именах, заимствованием слов, связанных с местными природой и бытом.

Таким образом, национальное самосознание не наглухо связано с сегодняшним языком населения. Мы все — законные наследники не только того племени или народа, который принес нам свой язык, но и всех обитателей нашего края до пределов времен; именно от них мы унаследовали внешность, бытовой уклад, характер темперамента, в значительной части — наши социально-психологические ценности.

Вопросы этногенеза могут решаться только совместными усилиями антропологов, этнографов, археологов и лингвистов, моя же статья посвящена только лингвистической тематике. Однако и она может дать известный материал для разрешения этногенетических проблем.

Армянский, подобно английскому, — это один из тех индоевропейских языков, который особенно сильно насыщен заимствованным материалом (от 60% до 80%). В английском слова основного фонда, выражающие названия частей тела, простейших действий человека, общеизвестных объектов, принадлежат к числу германских. Этот основной словарный фонд, наряду с морфологией, и делает английский язык одним из языков германской ветви индоевропейской языковой семьи. Но это не значит, что культура древних британцев, хотя физически и потесненных англосаксами в большей мере, чем обычно это имело место в древности, не является также наследием современных англичан наряду с культурой англосаксов, пришедших в Англию лишь с V в. н. э. Но вокруг англосаксонского языкового ядра имеются различные, притом очень многочисленные, словарные наслоения.

Это прежде всего незначительный британский субстрат — незначительный потому, что бриты в весьма большом числе были уничтожены или вытеснены в Бретань и Уэльс, — явление совсем нехарактерное для древней эпохи; затем идет скандинавский слой — скандинавы были по языку и быту близки англосаксам, и трудно, казалось бы, определить причину конкретного отбора именно данных скандинавских слов для заимствования. Однако и тут нередко есть конкретные объяснения. Затем идет слой латинских слов: латынь воздействовала на языки Британских островов еще со времени римлян и бритов, но всегда в одном и том же направлении: это термины книжности, абстрактные понятия и т. п. Через латынь в английский язык попало и много греческих слов. Затем начиная с XI в. возникает мощное влияние нормандского старофранцузского диалекта; практически в английских феодальных кругах и даже в городах с XI по XIV в. господствовало старофранцузско-среднеанглийское двуязычие. К этому слою относятся слова, выражающие общественные понятия той эпохи, обозначающие явления и предметы, связанные с областью феодальных отношений и феодального обихода, а также, например, названия новых сельскохозяйственных культур. Это наиболее мощный слой заимствований в английский. Далее идут слои заимствований, связанных с колониальной экспансией, например индийские и т. п.

Такая же послойная структура словарного состава наблюдается во французском, русском и других языках.

Совершенно аналогично положение в армянском. Мы будем рассматривать только заимствования в древнеармянский, как он сложился около V в. н. э.; в современном армянском есть еще слои: новоперсидский, курдский, турецкий, русский и т. п., но они, конечно, сейчас нас не будут интересовать. В составе грабара обнаруживаются следующие слои, идя сверху вниз, от более поздних к более ранним (в их отождествлении мне помогла профессор Анаит Георгиевна Периханян):

I слой заимствований — из сирийского арамейского диалекта, а также из греческого, в значительном числе случаев тоже через посредство сирийского арамейского. Слой датируется IV—VI вв. н. э. Сюда относятся слова религиозного и церковного значения с христианской окраской, а также термины, относящиеся к письменности. Семитские глаголы обычно заимствовались с трудом, и глагольные заимствования для данного слоя не типичны. Сирийские же имена существительные и прилагательные этого слоя отождествляются легко по окончанию *-au*, которое воспроизводит более старое *-ā*, стоявшее в конце любого сирийского имени.

II слой заимствований — среднеиранский, преимущественно парфянский и лишь отчасти среднеперсидский и среднемидийский. Это очень мощный слой, подобный старофранцузскому в английском, что объясняется, вероятно, двуязычием феодальной, а может быть, и городской верхушки в период Арташесидов и особенно Аршакидов. Слова этого слоя выражают абстрактные понятия, термины феодального общества, некоторые понятия зороастрийского происхождения, не вытесненные христианством; но этот слой содержит и довольно значительное число слов, обозначающих понятия и виды деятельности, относящиеся к повседневной жизни; некоторые из них, надо думать, вытеснили более древние слова общеиндоевропейского происхождения. Заметим, что древнеиранских, а тем более общеиндоиранских слов в армянском нет, из чего следует, что армянский никогда не контактировал с общеиндоиранским, а хотя контакт армян с древними мидянами и персами засвидетельствован исторически, однако, видимо, он был поверхностным, неглубоким и следов в языке народа не оставил.

III слой заимствований — раннеарамейский. Его легко отличить от сирийско-арамейского слоя, потому что в раннеарамейских диалектах долгое *-ā* еще не стало частью имени существительного и прилагательного, а было артиклем. Он не входил, конечно, в состав заимствуемого слова. К этому слою относятся слова, связанные с торговлей, в том числе наименования бывших в обращении товаров, некоторых орудий и т. п. В их числе встречаются и аккадизмы, и — через аккадское посредство — даже шумеризмы. Как известно, аккадский язык оказал огромное влияние на арамейский — лишь не намного меньшее, чем парфянский оказал на армянский или старофранцузский на английский. Однако в армянском нет слов, которые были бы доказуемо заимствованы непосредственно из аккадского. Раннеарамейские заим-

ствования в армянский, вероятно, следует отнести за счет переселения в Армению арамеязычных горожан Сирии и Палестины при Тигране II и Артавазде, т. е. во II в. до н. э., отчасти же за счет арамейской официальной канцелярии, господствовавшей как в ахеменидское время (VI—IV вв. до н. э.), так и в эллинистическое и раннепарфянское. Если так, то необходимо сделать вывод, что ахеменидские канцеляристы имели контакт с армянским народом, в то время как сами персы (или македонцы) были в Армении столь высокопоставленными чиновниками, что не оставили следа в языке народа.

Если заимствования, перечисленные под № I—III, нужно отнести к адстратным влияниям, т. е. к влияниям со стороны, то следующий, более древний слой представляется мне субстратом, т. е. следом того языка, который носители протоармянского застали на нагорье. Сюда относится

IV слой заимствований, происхождение которого было до сих пор не установлено и который в общем виде обозначался как «кавказский субстрат». Ряд слов определен Грачией Ачаряном как восходящий к некоторым южногрузинским диалектам. Еще некоторые слова более или менее гадательно сопоставлялись с языками горских народов Кавказа, особенно с удинским на границе Азербайджана и Грузии, — языком южнолезгинский группы восточнокавказских языков; другие слова, еще более гадательно, сопоставлялись со словами почти не изученных во времена Ачаряна позднеанатолийских языков.

Сейчас, после большой работы, проделанной по изучению хуррито-урартской группы восточнокавказских языков и хетто-лувийской группы индоевропейских языков, можно определенно и довольно точно установить слой слов, попавших в армянский, с одной стороны, из лувийского, с другой — из хуррито-урартского. Среди этой группы слов есть некоторое число аккадизмов, переданных в армянский язык через посредство хуррито-урартского, что видно по фонетике этих слов, характерной для хурритского, но не для аккадского, хотя по происхождению такие слова могут быть и аккадскими или даже аккадскими, воспринятыми из шумерского. Аккадизмы в этом слое, однако, составляют меньшинство по сравнению со словами собственно хурритскими и урартскими. Следует подчеркнуть, что если под № I—III речь шла лишь о контактах с языками народов, живших в целом на другой территории, то здесь речь пойдет уже об ином. Как отчасти и лувийцы, так и в полной мере хуррито-урарты занимали ту же самую территорию, которую в исторически засвидетельствованную эпоху конца I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. заведомо занимало армяноязычное население. Здесь, стало быть, идет речь о заимствовании слов из субстрата. Сюда же относится значительное число хуррито-урартских топонимов, сохранившихся в армянском, над чем много и плодотворно работал Н. В. Арутюнян.

Я сейчас не буду касаться лувийских заимствований, потому что хетто-лувийские языки — не моя специальность, к тому же здесь не-

обходимо произвести некоторый отсев собранного материала. Предшествовавшие исследователи не всегда умели отличать материал хеттский от лувийского и от общего хетто-лувийского, да и по другим причинам многое подлежит проверке.

Но в высшей степени характерен семантический состав слов, которые заимствованы в древнеармянский из хуррито-урартского субстрата. Я не буду здесь касаться лингвистической кухни, даже не буду приводить звучания хуррито-урартских соответствий — они, конечно, не идентичны звучанию данного слова в древнеармянском, но закономерность расхождений каждый раз строго проверена. Как известно, лингвистика считается не с обманчивым внешним сходством звучания, а только с закономерностью расхождения сравниваемых форм, как учил великий лингвист Антуан Мейе. Здесь отмечу лишь, что привожу только проверенный, бесспорно достоверный материал.

А. Социальная терминология, относящаяся к раннерабовладельческому общественному быту, а также к некоторым религиозным архаизмам. По латинскому алфавиту:

ařaxin ‘служанка, рабыня’ (в хурритском: ‘хранительница или хранитель запасов хозяина дома [или храма]’);

ařx ‘домашнее имущество’ (в хурритском: ‘принадлежащее госпоже [или господину]’);

astem ‘женюсь’ (в хурритском: *ařte* ‘жена’; сопоставление сделано Г. А. Капанцяном);

cařay ‘раб’ (в хурритском: ‘живая добыча, пленный’);

p’ox ‘мена, обмен’ (это слово засвидетельствовано как в аккадском, так и в хурритском, где оно является заимствованием из аккадского).

Б. Специфические названия животных и растений, бытующих на Армянском нагорье:

apanix ‘мята’ (в хурритском, видимо, то же значение; сопоставление сделано Н. Мкртчяном);

niřn ‘гранат’ (слово известно в шумерском и аккадском, но прослеживается его хуррито-урартское происхождение; то же значение, тот же автор);

salor, řlor ‘слива, сливовое дерево’ (это слово со значением либо ‘слива’, либо ‘хурма’ также является явным хуррито-урартизмом в аккадском и шумерском);

uřt ‘верблюды’ (в урартском, возможно и в хурритском, — то же значение);

xařot ‘виноградная лоза’ (в хуррито-аккадском говоре древней Аррапхи, по-видимому, то же значение);

xnřor ‘яблоко, яблоня’ (в хурритском то же значение).

Н. Мкртчян предлагает хурритское происхождение еще для арм. *serkewil* ‘айва’ и *tuřt* ‘алтея’, возможно, имеющих соответствия в некоторых аккадских словах, вероятно, заимствованных в аккадский из хурритского.

В. Культурные слова:

agur ‘обожженный кирпич’ (то же значение в аккадском, но т. к. аккадский непосредственно с древнеармянским не контактировал, то вероятно хурритское посредничество — арамейское же отпадает по ряду лингвистических соображений);

anag ‘олово’ (такое же положение, как со словом *agur*);

aralez ‘духи, сопровождающие мертвого’ (из хурритского (?));

arallē ‘преисподняя’ (засвидетельствовано пока в виде заимствования в аккадский, вероятно из хурритского существительного и хуррито-урартского прилагательного окончания *-zi*). Я раньше колебался, включить ли в список эту глоссу, т. к. мне казалось, что хуррито-урартский суффикс *-zi* присоединяется только к согласному, но, как оказалось, я ошибался;

kmax-k' ‘погребальный плач’. В аккадском *kimahhu* ‘могила, кладбище’ из шумерского *ki-taḥ* ‘великое место’. Слово вошло в древнеармянский через хуррито-урартское посредство, что определяется семантикой: если бы хуррито-урартский заимствовал из аккадского слово **kimahhi*, то, по законам хурритского языка, эта форма неизбежно должна была восприниматься как содержащая хуррито-урартское окончание притяжательного прилагательного *-ahhi* и тем самым получить значение ‘относящееся к погребению’;

knik ‘печать’: из аккадского *kaniku*, **kanikku* ‘опечатанный предмет’; по лингвистическим соображениям, слово заимствовано не непосредственно из аккадского, а через хурритский, потому что непосредственное заимствование дало бы в армянском форму **k'nik*';

t'iw ‘число’ (в хурритском ‘слово, название; дело’; сопоставление предложено Г. А. Капанцяном).

Г. Есть еще несколько слов неспецифичной семантики, возможно, заимствованных в древнеармянский из урартского. Сюда относится прежде всего *xarxarem* ‘разрушаю’. Правда, в литературном урартском глагол *ḥarḥar-* значит ‘разрушаться’, а превращение непереходного глагола ‘разрушаться’ в переходный ‘разрушать’ достигается с помощью суффикса *-š-*; но гораздо чаще в хурритском и урартском непереходный глагол превращается в переходный просто путем замены окончаний спряжения; вполне вероятно, что в урартских говорах, не зафиксированных на письме, то же самое происходило и с глаголом *ḥarḥar-*. Сюда же относятся еще две-три более сомнительные глоссы.

То обстоятельство, что какое-либо слово в настоящее время засвидетельствовано только в хурритском или даже только в виде аккадского заимствования из хурритского, не доказывает, что это слово не могло попасть в древнеармянский из урартского. Дело в том, что число зарегистрированных и интерпретированных слов, как хурритских, так и урартских, пока очень невелико, и при этом в хурритских текстах, с одной стороны, в урартских текстах — с другой, а также в аккадских заимствованиях из хурритского представлена неодинаковая по содержанию лексика. При лингвистической близости между хурритским и урартским вероятность того, что слово, зарегистрированное

сейчас только как хурритское, на самом деле существовало и в урартском, достаточно велика.

Конечно, действительное число хуррито-урартизмов в древнеармянском значительно больше, чем приведенные полтора десятка примеров. Я еще не включил некоторого количества уже предложенных сопоставлений либо из-за необъясненных фонетических нерегулярностей, либо из-за недостаточной семантической близости сопоставляемых слов, либо из-за того, что армянская глосса не является достаточно древней, либо, наконец, потому, что предложены более убедительные индоевропейские этимологии. Но главное, конечно, в том, что нам пока известно всего лишь несколько сот хуррито-урартских слов, при том в большинстве своем это слова очень специфической (заклинательной, военно-победной) семантики.

Однако круг значений хуррито-урартских слов, заимствованных в древнеармянский, весьма характерен. Они относятся к социальным условиям раннего рабовладения (*ałx, ałaxin, cařay, p'ox*) и к соответственной технике (*agur, anag, knik'*), к верованиям, характерным для местного западноазиатского населения (*aralez, kmax-k'*), к животным и растениям, с которыми носители протоармянского языка не могли познакомиться на своем первоначальном месте обитания (*uřt, ananux, nuřn, salor, xařoř, xnjor*).

V. *Ниже слоя хуррито-урартских* и, шире, вообще кавказских заимствований уже нет ничего, кроме основного словофонда индоевропейского происхождения. Заметим, что когда мы говорим «индоевропейский праязык», то это есть некоторая условность: на такой глубине древности единого языка, подобного позднейшим литературным языкам, быть не могло. Этим условным термином мы обозначаем клубок очень близких между собой диалектов, распространенных на некоей сравнительно небольшой территории (какой именно — составляет в настоящее время предмет спора), но от которого постепенно отчленялись и расселялись носители отдельных диалектов, являвшихся праязыками для языковых ветвей. Само расселение имело причиной временную благоприятную демографическую ситуацию, которая привела к некоторому достаточно ощутимому превышению рождаемости над младенческой смертностью, — вероятно, в период климатического оптимума V—IV тыс. до н. э. Неоднородность праиндоевропейского континуума диалектов, а также степени продолжавшегося контактирования между расселявшимися диалектами позволяет обнаруживать определенные языковые одинаковости, так называемые изоглоссы, в области фонетики, морфологии и лексики, указывающие на большую или меньшую лингвистическую, а стало быть, для какого-то момента времени и территориальную близость диалектов. Древнеармянский по этим признакам четко входит в большую подсемью восточноиндоевропейских языков, к которым можно отнести греческий, фригийский, фракийский, древнеармянский и индоиранский; к этой же группе во многом близки и балто-славянские языки. В фонетическом отношении большинство этих языков характеризуются такими чертами, как пере-

ход мягких (палатализованных) $*k'$, $*g'$ в $*ts$, $*dz$ и далее в s , z (в полной мере это проявляется, с одной стороны, в балто-славянских, с другой — в индоиранских; почти столь же сильно этот признак проявляется в древнеармянском, лишь частично во фракийском, еще менее во фригийском и вовсе не проявляется в греческом); утеря огубления $*k^w$, $*g^w$ (во всех перечисленных языках развились в k , g , лишь в греческом — несколько более позднее и несколько иное развитие); утеря долготы гласных (в древнеармянском, фригийском, может быть, во фракийском, а также в славянских); сохранение всех кратких гласных или утеря их только в безударной позиции (во всех перечисленных языках, кроме индоиранских, где e и o слились с a); переход $\bar{o}$, $\bar{e}$ долгих в u , i (во фригийском и древнеармянском); переход $-on$, $-in$ в $-u(n)$, $-e(n)$ (во фригийском и древнеармянском); переход s - в начальной позиции и между гласными в h -, а затем в нуль (в греческом, фригийском, древнеармянском).

В области морфологии отметим специальный префикс (аугмент) e -, маркирующий видовременную форму завершеного действия, так называемый аорист (в греческом, фригийском и древнеармянском, а также в индоиранских, где e - переходит, по правилу, в a -); образование аориста с помощью суффикса $-s$ - (так называемый сигматический аорист — в греческом, фригийском, древнеармянском, индоиранских и славянских), а также пожелательного наклонения или будущего времени с тем же показателем (нет из перечисленных языков в славянских, но зато есть в балтийских).

В области лексики давно уже установлена особая близость древнеармянского с греческим, в меньшей мере — с индоиранскими, еще меньше — с балто-славянскими; сейчас к числу лексически близких к древнеармянскому можно прибавить и фригийский язык.

Заметим, что по указанным признакам не наблюдается большого схождения между древнеармянским и такими индоевропейскими языковыми ветвями, как италийская, кельтская, германская, а также хетто-лувийская: древнеармянский явно входил в клубок восточноиндоевропейских диалектов и, в пределах индоевропейской прародины, был территориально ближе всего к фракийскому, фригийскому, греческому, несколько дальше от балто-славянских, с одной стороны, и индоиранских — с другой.

Древнейшая индоевропейская лексика в древнеармянском охватывает всю сферу повседневных действий и состояний человека, обозначений частей тела, степеней родства, важнейшего домашнего скота (коровы, овцы, козы и т. п.), злаков и простейших орудий земледелия (ячменя, плуга или сохи), но не содержит терминов для более сложной техники. Первый исторически свидетельствуемый субстратный слой заимствований — это слой хуррито-урартский, возможно, с добавлением некоторых других кавказских, а также лувийских, но не хеттских элементов. По мнению многих хеттологов, собственно хеттский (неситский) язык исчез из живого употребления уже в XIV—XIII вв. до н. э. — во всяком случае, видимо, до возможного момента контактов с протоармянским.

Если бы носители протоармянского языка были обитателями Армянского нагорья или Малой Азии с III тыс. до н. э. или даже раньше, как полагают некоторые, то это означало бы, что носители хуррито-урартского, а также лувийского появились здесь позже них и их языки наложились бы на протоармянский. Это означало бы, что в хурритском и урартском, а также в лувийском можно обнаружить армянский языковой субстрат, причем именно в области такой лексики, которая связана с местными условиями существования. Однако ни в лувийском (XIV—VIII вв. до н. э.), ни в хурритском (XXIII—XIII вв. до н. э.) нет слов, которым можно было бы достоверно приписать армянское происхождение. Что касается урартского, засвидетельствованного более поздними текстами (IX—VI вв. до н. э.), то в нем можно насчитать не более двух-трех слов, которые при известном желании можно счесть за заимствованные из протоармянского: это *Aršivā* 'имя лошади', предположительно 'орел', ср. арм. *arcui*, *arciw* (но есть и хорошая кавказская этимология), *ulguše* 'жизнь, здоровье' (если читать это орфографическое сочетание как [olyosə], что допустимо, но не обязательно, ср. др.-арм. *olj*). Если это и заимствования, то они не носят субстратного характера и, во всяком случае, датируются пока только временем после разделения хуррито-урартского на урартский и хурритский.

Выше мы уже упоминали, что сирийские, парфянские и раннеарамейские заимствования довольно точно датируются. Но так же хорошо могут быть датированы и субстратные заимствования из хуррито-урартского в протоармянский. Для этого надо использовать не только приведенный выше перечень словарных заимствований, но и топонимы, унаследованные армянами от их хуррито-урартских предков.

Недавно Ф. Кортландтом установлена таблица относительной хронологии фонетических изменений, происходивших от праиндоевропейского языкового состояния до древнеармянского (V в. н. э.). Эта таблица, вероятно, потребует корригирования в некоторых частностях, но в целом аргументация Кортландта обоснована очень строго и «отменить» ее, безусловно, не удастся. К наиболее древним восьми ступеням изменения им отнесены такие, как переход смягченного (палатализованного) **k'* в *s* (общий для древнеармянского с индоиранскими, балто-славянскими, отчасти фригийским и фракийским); развитие *s* в *h* (и далее в нуль, общее с греческим и фригийским); рано датирует Кортландт переход долгих *ō*, *ē* в *u*, *i* (общий с фригийским) и *-on*, *-in* в *-u(n)*, *-e(n)* (тоже общий с фригийским). Даже раньше датирует Кортландт переход **g(h)*, **k(h)* перед *i*, *e* в *j*, *č'*. Это явление собственно армянское, т. к. аналогичные изменения в индоиранских и балто-славянских, видимо, имеют другую дату. Все эти изменения уже не затронули хуррито-урартских заимствований или, как говорят лингвисты, перестали быть продуктивными ко времени контакта протоармянского с носителями хуррито-урартских языков. Действительно, праиндоевропейские слова *g^hherm-* 'горячий', *sal* 'соль', *g^hou-* 'корова' дают в древнеармянском *ǰerm*, *ał*, *kow*, но урартск. *Giarnia* 'имя мест-

ности' дает *Garnī*, а не, скажем, **Karnī* или **Ĵarnī*; хурр. **šallori* 'слива' дает арм. *salor*, *šlor*, а не **ator*, и аккадское *agurru* 'обожженный кирпич', попавшее в древнеармянский через хурритский, дает *agur*, а не **akur*. Примеры можно умножить. Они означают, что протоармянский контактировал с греческим и фригийским, а также с более отдаленными восточноиндоевропейскими диалектами, как, например, с балто-славянским или индоиранским, значительно раньше, а с хуррито-урартскими — позже.

С другой стороны, среди фонетических изменений, отмеченных Кортландтом, есть некоторые, объяснимые только уже наличным хуррито-урартским субстратом. Сюда относится реконструированный им переход праиндоевропейского **p* в **f*, а **f* — опять в *p'*, но уже придыхательное. Это объясняется тем, что в урартском субстрате **f* не было и его можно было передать только как *p'*; аналогичные перемены и по той же причине произошли с фонемами **t* и **k*. Кортландт датирует это изменение своей 11-й ступенью; до этого времени, стало быть, явление урартско-протоармянского двуязычия уже наступило. Далее, в урартском существовало сильное постоянное ударение, в основном, на предпоследнем слоге, в то время как в протоармянском, как вообще в древнеиндоевропейских языках, было подвижное тоновое ударение. Уже в самом урартском силовое ударение на предпоследнем слоге начало, как это обычно и бывает, приводить к усечению конечного безударного гласного. Двуязычие всегда выражается к появлению того, что в житейском обиходе называется «акцентом», т. е. к переносу произносительных привычек своего более древнего языка на язык воспринимаемый. То же самое стало происходить в протоармянском под влиянием урартского субстрата; ударение закрепилось на предпоследнем слоге как силовое, поэтому на кортландтовской 16-й ступени в протоармянском происходит стяжение безударных гласных внутри слова и усечение всех гласных окончаний, в том числе падежных. Ударение оказывается на последнем слоге. Этого мало: отпадение окончаний привело к полной перестройке системы словоизменения в армянском: односложные падежные окончания отпали, а двусложные, став односложными, расширили свою область действия, заняв место и отпавших односложных падежей. Тем самым армянская морфология, как и фонетика, сильно разошлась с морфологией и фонетикой наиболее близких языков — греческого и фригийского. Таким образом, протоармянский язык наложился на хуррито-урартский субстрат после 8-й кортландтовской ступени и ранее 16-й, а скорее всего, даже до 11-й. Почти все изменения до 8-й ступени объединяют армянский с фригийским, однако можно считать исторически засвидетельствованным, что фригийский был уже отдельным, независимым языком самое позднее с конца II — начала I тыс. до н. э. Фригийская держава в Малой Азии сложилась в IX в. до н. э., а в XIII в. фригийцы в Малой Азии еще были неизвестны; стало быть, они прибыли в Малую Азию — причем известно, что именно с Балкан, — где-то между XII и X вв. до н. э.; к этому времени они совершенно отличались по языку

от всех своих соседей, а это значит, что кортландтовская 8-ая ступень, ступень фригийско-протоармянской общности, уже миновала. Тем самым наложение протоармянского на хуррито-урартский субстрат может быть датировано, самое раннее, концом II — началом I тыс. до н. э. Это вполне соответствует предложенному мной отождествлению протоармян с «восточными мушками», засвидетельствованными как двигавшиеся через Евфрат с запада на восток в XII в. до н. э. Само название «мушки» (или, точнее, «муски») состоит из общебалканского этнонима *Mus-* и характерного только для армянского показателя множественного числа *-k'*, в ту эпоху еще имевшего более раннюю форму *-k'i*.

Я предполагаю также, — и это я аргументировал в другой работе, — что число первоначальных носителей протоармянского языка, появившихся на нагорье, было значительно меньшим, чем число носителей хурритского и урартского. Конечно, возможны какие-то начальные столкновения между теми и другими, но в целом появление протоармянского элемента не носило характера завоевания, тем менее — истребления местного населения. Напротив, есть данные в пользу того, что и протоармяне, и хуррито-урарты совместно противодействовали ассирийской агрессии. Лувийские и хуррито-урартские династии далеко не сразу сошли с исторической сцены после появления носителей протоармянского языка. Причиной смены языка было то обстоятельство, что политическое объединение нагорья стало — в развитии железном веке и в окружении агрессивных империй — исторической необходимостью и в обстановке лувийско-протоармянско-хурритско-урартского многоязычия именно протоармянский стал языком общенародного взаимопонимания, а с течением времени — и единственным языком нагорья. Таким образом, я предполагаю двойкие корни у армянского народа: по физическому типу, характеру, по древности исторических достижений, по особенностям произношения и ударения я полагаю армян преимущественно потомками урартов, по языку же в целом — потомками протоармян. Далеко не каждый народ имеет право утверждать, что, искони живя на данной территории, он уже свыше трех тысяч лет, находясь на ней, говорит на одном и том же языке.

Язык был воспринят аборигенами-урартами в рамках свойственной урартам артикуляционной базы и собственной фонетики. Различные позиционные фонетические изменения внутри собственно армянского уже на его древнейшей стадии должны были происходить в пределах тех же рамок.

Кроме того, следует заметить следующее. Изменение индоевропейских взрывных от **g' *g'h *k' *g^w *g^wh *k^w > c j s k g* (или *j) k'* и фрикативного **s > h* или нуль предшествовало контактам протоармянского с урартским. Поэтому *Gaura-*, *Giarnia-* не перешло в **Kawr-*, **Karni* (или **Carni*), окончание *-ki* сохранилось как *-k'*, а не перешло в **-s*, но одновременно *salor* 'слива' не перешло в **alor*. Эти примеры могут быть умножены. Дж. Греппин также заметил, что «армянское [а также фракийское, фригийское. — И. Д.] передвижение» предшествовало заимствованиям из лувийского в армянский.